A close-up portrait of a man with dark hair and a slight stubble, looking directly at the camera. He is wearing a black and white horizontally striped sweater. The background is dark, and the lighting is soft, highlighting his facial features.

**ИВАН
ДЕМ'ЯН**

15

**ВЕТРЕННЫХ
ЛЕТ**

**ЗАХАР
ПРИЛЕПИН
РЕКОМЕНДУЕТ**

Захар Прилепин рекомендует

Мария Сорока
15 ветряных лет

«Центрполиграф»

2017

УДК 82-36
ББК 85.315.3

Сорока М.

15 ветряных лет / М. Сорока — «Центрполиграф»,
2017 — (Захар Прилепин рекомендует)

ISBN 978-5-227-06616-9

Группа «7Б» Ивана Демьяна за более чем пятнадцатилетнюю историю существования уже пережила, казалось бы, все, что может выпасть на долю российской рок-группы. Первые успехи в провинциальных клубах, поиск продюсера в Москве, ночные записи в студии после основной работы, внезапная популярность, выступления на сцене Олимпийского, концерты в горячих точках, провокационные проекты, удивительные встречи, неожиданные дуэты, существование в андеграунде и повторное признание. Многие эпизоды были похожи на настоящее сумасшествие, что вполне оправдывает название.

УДК 82-36
ББК 85.315.3

ISBN 978-5-227-06616-9

© Сорока М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Удивительный, удивленный, удивляющий	6
Предисловие. Почему «7Б»?	7
Иван Демьян	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Мария Сорока, Иван Демьян

15 ветряных лет

© И. Демьян, М. Сорока, 2017

© «Центрполиграф», 2017

Удивительный, удивленный, удивляющий

Если говорить о биографиях, то Иван Демьян безусловно, безоговорочно самый исключительный персонаж в мире русского рока. Да что там русского – думаю, и на мировой рок-сцене таких поискать.

Традиционная рок-биография – она какая? В 14 лет впервые напился, в 19 создал первую группу, в 22 поехал на гастроли, на первом концерте упал со сцены, в гостинице выкинул телевизор из окна, в 24 просидел три месяца в тюрьме за хранение наркотиков, в 54 встретился с президентом и через год получил Государственную премию. Нормально, но однотипно.

А Иван Демьян? О нем давно стоило роман написать. Но вообще, его удивительной жизни хватило бы и на три романа точно. Это не жизнь, это какая-то сногшибательная карусель, где веселье и печаль, трагедия и праздник вообще не отличимы, это фильм Кустурицы какой-то, это карнавал.

Пересказывать события, случившиеся в жизни Ивана, не буду – сами сейчас прочитаете.

Скажу лишь о том, как удивительно все это преломляется в музыке Ивана, которую я так люблю.

Каждая его песня – словно детский рисунок, где восхитительно много красок, где счастье неизбежно, где на первый взгляд некоторые фигуры кажутся непропорциональными: то вдруг сам ребенок больше всех и заслоняет солнце, то он, напротив, всех меньше, а над ним, как все то же солнце, мама, то наползает огромный танк, то налетит чудовищный самолет, а то вдруг тихо, и цветы вокруг.

А можно привести другое сравнение: каждая песня Демьяна похожа на пересказанный сон. Недаром он, как вы поймете, читая эту книжку, снам придает такое серьезное значение.

Но вы же сами пробовали сны пересказывать? Помните, как это получается: то, что казалось совершенно логичным во сне, в пересказе вдруг начинает приобретать черты абсурда и хаоса, ничего не клеится.

Тем не менее Иван в деле пересказа (вернее сказать, перепева) своих снов достиг восхитительных результатов: он создал из них такое количество отличных песен, что я даже не берусь перечислять свои самые любимые – их слишком-слишком много.

Дружба с Иваном – подарок для меня. Он действительно немного неземной. Тоже откуда-то из сна, из потустороннего мира. Ну, в крайнем случае с другого континента. Он вполне мог бы родиться латиноамериканцем, и даже среди них был бы самым жизнеутверждающим и солнечным.

Очень добрый, улыбчивый, спокойный, все гда в отличном настроении. При этом – едва война – он поднимается, и вот уже среди своего народа и своих солдат – поет. Если понадобится оружие взять в руки – уверен, что возьмет и встанет в первую шеренгу.

В этой книге есть обо всем, о чем мы тут коротко напомнили: и про войну, и про службу, и про любовь, и про все остальные удивительные приключения. А я просто хотел здесь еще раз признаться, какая радость смотреть на то, как Иван живет и поет. Даже глаза прищуривать иногда приходится: как, знаете, когда и дождь вроде еще не кончился, и радуга уже явилась, и солнце вокруг. И молодые ветра, конечно.

Захар Прилепин

Предисловие. Почему «7Б»?

Музыкальный коллектив Ивана Демьяна за более чем пятнадцатилетнюю историю существования уже пережил, казалось бы, все, что может выпасть на долю российской рок-группы. Первые успехи в провинциальных клубах, поиск продюсера в Москве, ночные записи в студии после основной работы, внезапная популярность, выступления на сцене Олимпийского, концерты в горячих точках, провокационные проекты, удивительные встречи, неожиданные дуэты, существование в андеграунде и повторное признание. Многие эпизоды были похожи на настоящее сумасшествие, что вполне оправдывает название.

Диагноз 7Б означает легкую степень шизофрении, психопатию, аномальное поведение. Поначалу слушатели расшифровывали «7Б» как «Семь баксов в стакане», «Семеро с бабой», «Семь бед – один ответ», «Семь баллов по шкале Рихтера». Однако музыканты всегда раскрывали истинное значение этого названия: медицинский код.

Иван Демьян в подростковом возрасте чуть было не получил справку 7Б. Молодость будущего музыканта пришлась на конец 80-х годов, поведение Ивана во многом не соответствовало нормам того времени. Он нарушал правила, доверял только собственному мироощущению, открыто не терпел несправедливости. В общении с людьми он не обращал внимания на возраст и статус, хотя и старался быть открытым и приветливым с теми, в ком видел доброту. А еще он угощал всех желающих молдавским вином во времена сухого закона. Каждое «нельзя» вызывало в Иване бурю негодования, и он пытался доказать себе и окружающим, что «можно!» – и ничего плохого от этого не будет. Многими этими качествами сейчас награждают героев книг и фильмов, но в то время простому парню в небольшом городе вольнодумие простить не могли.

Из-за своего бунтарского духа Иван Демьян оказался в психушке. Некоторые его сверстники сами хотели получить справку о психическом расстройстве – чтобы не служить в армии. Иван, напротив, с детства мечтал испытать себя в военной службе, и за эту мечту пришлось побороться. В результате он все-таки пошел в армию, и даже вернулся оттуда в звании младшего сержанта.

На некоторое время диагноз был забыт. Будущий хитмейкер побывал в тюрьме, потом долго искал свое место в жизни. Он освоил профессию автослесаря, создал семью, наладил собственный бизнес. Но этого было мало. Неумный характер снова толкал сделать что-то необычное, пойти наперекор нормальности. Так появилась идея встать на путь рок-музыканта.

Код 7Б снова появился в жизни Ивана, когда пришла пора дать своей группе официальное название. Уже были написаны будущие хиты, найдены музыканты и первый продюсер. Вопрос оставался только в названии. Первый вариант – «Религия» – казался слишком неформатным, и профессионалы из мира шоу-бизнеса советовали его изменить. Тогда Иван вспомнил о злополучном диагнозе и решил превратить его в символ группы. В нем отразилось все: борьба за свободу мысли и слова, необычность в творческом выражении, готовность идти наперекор устоям, непростая жизненная история. Стоя на пороге офиса «Нашего

радио», Иван приписал на диске с еще не известной никому песней «Молодые ветра» новое название группы: «7Б».

Биография Ивана Демьяна, от раннего детства до нынешнего зрелого возраста, представляет собой череду ярких эпизодов. В них видны и упорство, и легкомыслие, судьба создателя группы «7Б» неоднозначна и может вызывать разные эмоции. Но она определенно стоит внимания, как и созданные Иваном песни.

Иван Демьян

Никогда не знаешь, в какой момент жизни с тобой произойдет нечто судьбоносное и произойдет ли вообще. У кого-то есть шанс, у кого-то есть два, а кому-то не попасть никогда. Я не знаю, специально ли жизнь вела меня к музыке, или небо отправило то послание внезапно. Но главное, что я принял сигнал и понял свое предназначение. Со мной случались такие передраги, которые ломают людей. Я выходил из них решительно: обновленным, бодрым, победившим. Возможно, именно это помогло добиться своего в музыке. Я верю, что не просто сочиняю песни, а транслирую сообщения свыше. Я вижу свой путь, вижу, что это будет долгая история, которая шлейфом оставляет следы в душах многих людей.

Я родился 13 февраля 1969 года. Не правда ли, мистическая дата?

Мое детство прошло в Молдавии. Папа и мама впервые увидели друг друга в очереди в пельменной. Он пришел за пивом, она – за кормом для поросят. Мама всегда была очень скромной, поэтому предложение познакомиться отвергла. Отец не хотел отступать: он проследил за ней, узнал, где она живет. Он так влюбился, что ночью, в ужасный ливень, проехал на велосипеде двенадцать километров, лишь для того, чтобы постучаться в ее окно.

Отец переехал в город, где жила мама – в Новые Анены. Была сыграна свадьба, и через некоторое время появился я. Отец очень хотел мальчика и был несказанно рад моему рождению. Он приехал в роддом и стал кричать под окнами: «Покажите мне пунцурук!» («пунцурук» по-молдавски – член). Тогда мама распеленала меня и поднесла к окну. Папа был счастлив.

У меня в роду сложно отыскать профессиональных музыкантов, но дедушка по маминной линии был болгарским кочевым цыганом, музыка была у него в крови. Его любовь к песням передалась маме. Она часто выступала на семейных праздниках. Меня, маленького, на взрослые гуляния, конечно, не пускали, но я слышал, как красиво она поет. Особенно мама любила фольклорные мотивы и даже сама иногда сочиняла в этом стиле. Бывает, поет друзьям что-нибудь известное и – раз – вставит свое произведение. Ее песни были душевные, заставляли людей прослезиться или порадоваться. Но когда гости спрашивали, кто автор, мама всегда отмалчивалась, не раскрывала свое увлечение.

Мама была очень трудолюбивой и, многими годами позже, ушла из жизни со званием Героя Социалистического Труда. Она для меня пример того, как в одном человеке могут ужиться стойкий характер, упорство и доброе, нежное сердце. До замужества мама работала дояркой, и считалась в этом лучшей. Выйдя замуж, она перешла работать на очистные сооружения. При них был домик, в нем наша семья и поселилась.

Я рос под постоянный шум воды. Думаю, это повлияло на детское сознание. Мне очень нравилось это место: большие бассейны, вентили, там можно было играть, придумывать разные интересные забавы. Вокруг находилось много болот, и в бассейнах часто попадались ужи и гадюки. Помню, как-то раз, когда мне было года три, мама не уследила за мной. Когда она спохватилась и начала меня искать, то обнаружила странную картину. Я стоял на маленькой площадке и играл со змеями. Мои руки были полностью обвиты хладнокровными гадами. Мама безумно испугалась, я стоял там, куда ей было не пробраться. Увидев ее беспокойство, я отпустил новых друзей и без происшествий вернулся обратно.

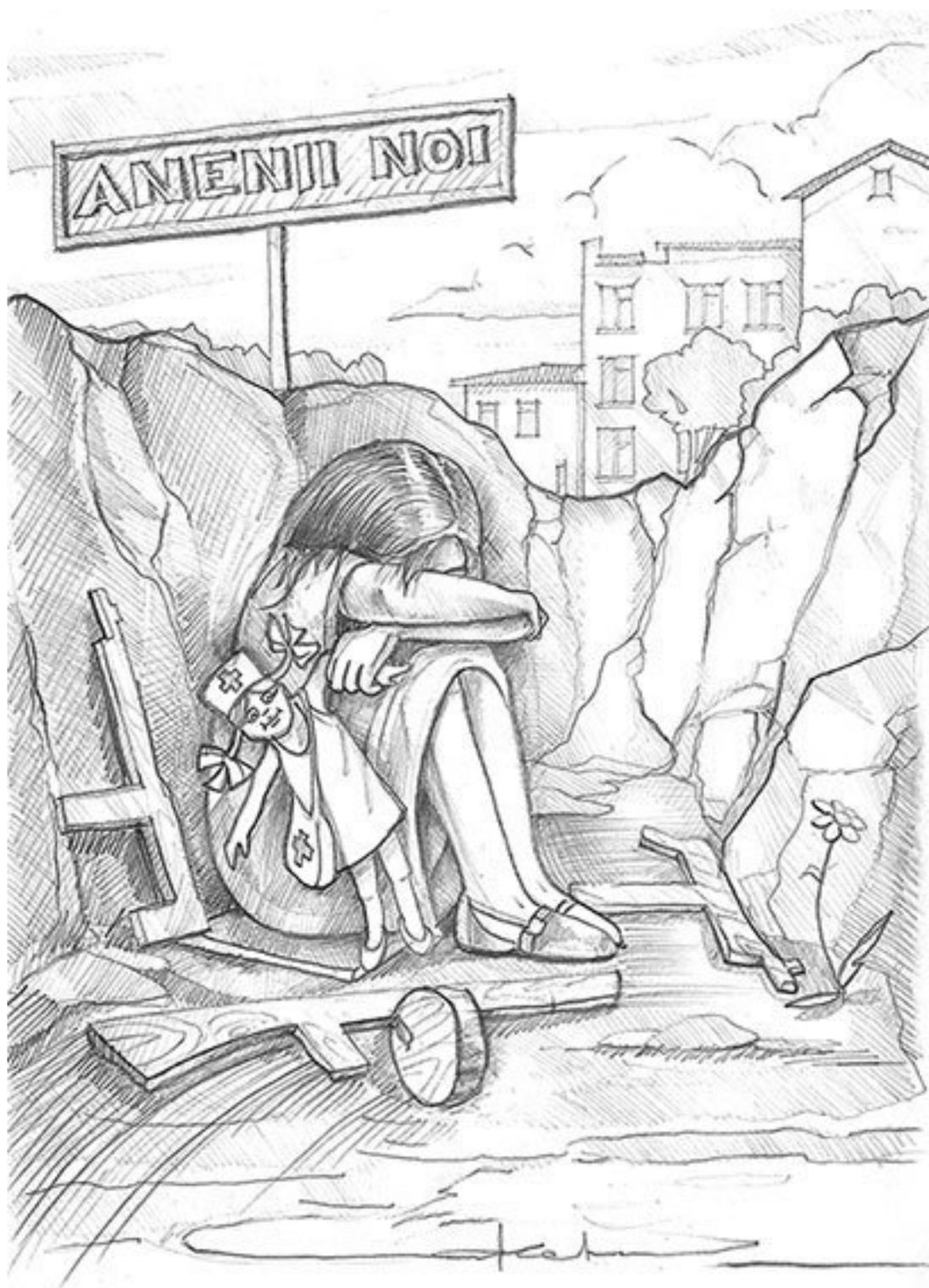
На интервью иногда спрашивают: «Когда вы впервые ощутили популярность?» В ответ я отшучиваюсь одной историей, которая произошла со мной в раннем детстве. Как-то раз мы приехали в деревню на свадьбу. Родители оставили меня под присмотром родной тети и отправились танцевать. Тетя недоглядела, хотя и считалась одной из лучших нянек в городе: я ушел один гулять по деревне. В каком-то дворе увидел много детей и присоединился к их игре. Потом их мама стала укладывать детей спать – и вдруг насчитала лишнего, тринадца-

того ребенка, то есть меня. Она принялась расспрашивать: чей, откуда? Я еще не мог толком ничего рассказать, только назвал свое имя. Меня уложили спать с остальными детьми. Они меня тут же облепили: городской ребенок был для них чем-то новым и очень интересным.

Тем временем на свадьбе обнаружили, что я пропал. Родители и тетя были в панике, всю ночь не спали. Папа пошел к председателю колхоза и попросил дать объявление по радио: «Пропал мальчик: Иван Демьян» (ну и далее особые приметы). Вот так на радио впервые заговорили об Иване Демьяне! А женщина, которая меня приютила, услышала это объявление и сразу же отвела к родителям.

Я, как любой мальчишка, любил играть в «войнушки». Все к этому располагало. Рядом жили другие ребята, с которыми я подружился. Недалеко от дома были вырыты траншеи, мы представляли, что это окопы и землянки. В окрестностях можно было найти разные артефакты военных лет – например, немецкие каски. Как-то раз я пришел в такой каске домой. Отец разозлился, стукнул меня кулаком по голове, сорвал каску и выбросил ее во двор – причем с таким отвращением, будто хотел отдать ее на растерзание собакам. Я, как ребенок, еще не понимал многих моментов, связанных с войной, но на меня этот жест произвел большое впечатление. Я понял, с каким трепетом папа относится к истории своей страны.

Когда мне было четыре года, у меня появилась сестра Клавдия. С ней связано много приятных и веселых детских воспоминаний. Родители часто поручали мне присматривать за ней. Однажды мы с ребятами собирались поиграть все в ту же «войнушку», а я должен был следить за сестрой, тогда еще совсем малышкой. Я сказал Клаве, что беру ее в свой отряд, и она будет медсестрой. Я посадил ее в траншею рядом с домом и сгрудил рядом свои многочисленные деревянные автоматы и пистолеты. Объяснил, что ее роль – охранять оружие и ждать меня. Родители должны были увидеть Клаву в траншее по дороге домой, поэтому я беззаботно играл весь день с ребятами и совсем забыл о сестре. Когда я вернулся, мама спросила: «Где Клава?» Я бросился к траншее, где оставил сестру. Клава смиренно прождала меня там весь день.

Мы росли в прекрасном городе, куда съезжались люди со всего СССР. Родители получили квартиру, поэтому могли больше не держаться за домик на очистных сооружениях и сменить работу. Нам досталась прекрасная квартира: угловая, в казарменном доме. У нас был большой двор с виноградником. Мне до сих пор временами снится это место.

Время шло, я поступил в первый класс. Незадолго до того я начал курить. Летом нашел пачку «Золотого якоря», она была настолько красивая, что я решил попробовать, поделился

с друзьями. Так все и началось. Иногда я подворовывал сигареты у папы, но родители долго ни о чем не догадывались.

Первые три класса я был лучшим учеником. Мне удавалось все, это было отмечено специальной грамотой.

В третьем классе я начал заниматься дзюдо. Муж моей школьной учительницы Натальи Александровны, дзюдоист Николай Тимофеевич, организовал свою секцию – первую в Новых Аненах и одну из первых в Молдавии. Учительница спросила у класса: «Кто придет заниматься?» Все сказали, что придут, но в результате пришел только я. Смотрю: тренер сидит одиноко на лавочке. «Все говорили, что придут», – расстроено сказал он. Отвечаю: «Ну я же пришел». Так Николай Тимофеевич стал меня тренировать. Конечно, потом подтянулись и другие ребята, но я с того дня всегда был для него самым любимым учеником.

В четвертом классе произошли кардинальные перемены. Все началось с того, что меня определили в экспериментальный спортивный класс «А».

Когда пришла осень, нас отправили на сбор фруктов и овощей – так всегда бывало в молдавских школах. Я трудился с одноклассниками, а в перерывах бегал вместе со старшими ребятами покурить. И вот как-то раз мой новый классный руководитель, физрук Виктор Палыч, зашел в курилку и увидел меня, ученика спортивного класса, с сигаретой. Он сразу подошел, сказал: «Все, ты больше не в нашем классе» – и направился к автобусам. Я бросился за ним, принялся оправдываться: мол, это старшие заставили, я больше не буду, и все в таком духе. Но Виктор Палыч был очень жесткий человек. К тому же учеба в «А» классе считалась большой привилегией, поэтому физрук мог себе позволить быть непреклонным. Он резко оборвал все мои просьбы: «Иди отсюда! Все, ты уже переведен. Курящие нам не нужны». Я не чувствовал вину, не считал, будто сделал что-то неправильное. Когда он так резко меня оборвал, я, как ни странно, ощутил прилив сил. Словно выросли крылья.

Это чувство было недолгим. Когда я подошел к автобусу своего класса, оказалось, что меня действительно вычеркнули. И тогда я пошел со своим ведерком для фруктов к автобусу «Б» класса. Очень грустный, ни с кем не знакомился, и на меня никто не обращал внимания. Учительница начала переключку – и в списке этого класса меня тоже не оказалось. Все по-прежнему меня не замечали. Я понял, что все меня забыли, бросили на произвол судьбы: из старого списка вычеркнули, а в новый не внесли. Мне стало совсем грустно. Домой не хотелось. Я развернулся и ушел гулять по деревне. Долго гулял, завел каких-то друзей... В тот вечер я решил, что раз не нужен никому в школе, то и школа мне не нужна.

И вот так началась самая замечательная пора во всей моей жизни.

Я уезжал черт знает куда, приезжал непонятно откуда, я путешествовал к границе, собирал бычки, жил в землянках. Я не появлялся дома сутками. Хорошо, что в то время не было мобильных телефонов. Когда я в первый раз гулял целые сутки, то почувствовал: мама собирается начинать поиски. Тогда я вернулся домой, придумав отличную отговорку: будто наш спортивный класс перевели на новую систему обучения. Я сказал, что теперь могу неделями не появляться дома, не нужно даже носить портфель, но волноваться не стоит, со мной все в порядке. Мама поверила. Я забросил портфель под строительный вагончик недалеко от дома и продолжил свои приключения. Вместе с друзьями я проставлял оценки в дневнике, подделывал подписи, придумывал для родителей увлекательные истории о своих школьных достижениях. Все это продолжалось месяца четыре. Приключений было столько, что хватило бы на четыре года. Я побывал везде, где только можно, был счастлив, чувствовал настоящую свободу.

Мама в то время работала в поликлинике рядом со школой, поэтому странно, что обман не раскрылся раньше. Но вот однажды она решила зайти в школу проведать меня. Когда она пришла, педагоги удивились: «Какой Иван Демьян?» – учителя уже и забыли про меня.

Тут они спохватились: «Неужели ребенок пропал?!» – «Не пропал, – ответила ошарашенная мама. – Дома появляется, оценки из школы приносит».

А я в тот самый день нашел на улице паспорт и решил сделать доброе дело – отнести его в милицию. Там меня очень похвалили, и два милиционера пошли провожать меня домой, чтобы торжественно, перед мамой, вручить благодарственную бумагу. Увидев в окне сына в сопровождении милиционеров, мама решила, что милиция насильно ведет меня домой. Когда мы вошли и маме начали меня хвалить, она держалась очень спокойно, достойно. Потом милиционеры ушли, и я принялся рассказывать очередную выдуманную историю. Но мама прервала ее воплем: «Я была сегодня в школе!»

Мама закрыла все двери. Я спрятался за диваном, вжался в стену. Мама никогда меня не била, но в тот день хорошенько поработала выбивалкой для ковра. На следующий день она отвела меня в школу и на протяжении нескольких месяцев каждый день заходила проверить, все ли в порядке.

Меры предосторожности не помогли. Я так пристрастился к свободе, что сбежал из школы в первый же день. Урок шел на первом этаже, в самом начале я ответил на четверку, потом учительница вышла, а за открытым окном показалась интересная птица. Я подумал: «Оценку уже получил, чего тут сидеть?» – и вылез на улицу. Весь класс был в шоке: «Как так можно?» А я ни о чем не задумывался. Но мне кажется, что так и надо. Детям нужно давать свободу, тогда они обязательно найдут свое место в жизни.

В общем, я был для школы странным явлением. Бывшая учительница, Наталья Александровна, упрасивала Виктора Палыча взять меня обратно в «А» класс, но тот отказался. Тогда Наталья Александровна сказала мне: «Знаешь, ты еще сможешь весь этот «А» класс опередить». Я ответил: «А так и будет».

Самым главным предметом в школе для меня стала физкультура. Я был главный заводила в классе. Иногда срывал уроки, чтобы вытащить ребят на тренировку. Некоторых учеников это не устраивало. Девочки жаловались на то, что курю и от меня пахнет сигаретами. Но я курить не бросал – да и сейчас не брошу до тех пор, пока врачи не запретят.

Мы постоянно соревновались с «А» классом. Первое время почти всегда проигрывали: спортивная подготовка у наших ребят была очень низкая. Но я старательно тренировал своих одноклассников – смеется же тот, кто смеется последним. Я был очень суровым тренером: ругался, раздавал обидные клички, но при этом старался быть справедливым и поддерживал слабых. Многие ребята из школы мне до сих пор благодарны.

Все это сопровождалось проблемами с обычной учебой. Я получал двойки, спал на уроках. Как-то раз классная руководительница не выдержала и разбудила меня на одном из уроков, ударив связкой ключей по голове. Я, проснувшись, отпихнул ее ногой – да так, что она пролетела через весь кабинет. Весь класс ахнул. Но у меня к тому времени был уже такой авторитет, что никто ничего не сказал.

Была в школе, конечно, и первая любовь – дочка Натальи Александровны. Долго боялся признаться. Наконец, передал объяснение в чувствах через подругу, но ответа не получил.

После моя зазноба вышла замуж за летчика, некоторое время пара жила в Германии, затем они вернулись в Новые Анены.

В школе было грустно, что многие красавицы-отличницы не видели во мне подходящего ухажера, но жизнь, конечно, расставила все по своим местам. Когда я, спустя много лет, уже будучи музыкантом, приехал в родной город, оказалось, что все отличницы из нашей параллели сейчас живут очень скучно. Кто трусами торгует, кто – батарейками. Грустная картина. И я подумал: хорошо, наверное, что мне тогда не отвечали взаимностью, а то застрял бы там вместе с остальными.

К восьмому классу я добился звания чемпиона республики по дзюдо в своей категории. Николай Тимофеевич очень мной гордился. Он говорил: «Ты, Ваня, не просто боец – ты

универсальный человек». Кстати, тренер помнит меня до сих пор. Как-то раз он неожиданно приехал на концерт «7Б» в «Лужниках». Охрана не хотела его пускать. Когда сказали, что тренер приехал, я сразу помчался к входу, даже немного опоздал на выступление из-за этого.

Пока я получал награды, всем стало очевидно, что класс «А» не дает ожидаемые результаты. А мы, «Б» класс, оказались первыми во всем! Даже неповоротливые, толстенькие ребята научились играть благодаря мне. Я поднял целый класс и сам продолжал совершенствоваться. По прыжкам в длину я отставал от олимпийских рекордов только на сантиметр. Жалко, что никто не догадался отправить меня на какие-нибудь соревнования кроме дзюдо. Когда моя команда смогла победить во всех соревнованиях, миф о спортивном классе рассыпался, Виктор Палыч пришел признать свое поражение. Я только припомнил ему: «А помнишь, как я просился обратно к тебе в класс, а ты оставил меня одного среди автобусов?»

На обычных уроках я по-прежнему спал – потому что гулял по ночам. Кое-как досиживал восьмой класс. Наталья Александровна постоянно ходила к другим учителям меня «отмазывать»: «Не трогай Ваню. Он – лучший. Он рекорды на уровне мировых ставит». После восьмого класса я решил уйти из школы. Все очень расстроились, не хотели меня отпускать. Наталья Александровна и Николай Тимофеевич поначалу определили меня в спортивный интернат, но там мне не нравилось. Угнетала дисциплина, к тому же я видел, что знаю и умею больше многих тренеров. Я не мог быть таким наглым, чтобы их чему-то учить. Стало очевидно, что время моего спортивного образования закончилось. Как-то раз после обеда я взял и ушел.

Мне позвонила Наталья Александровна, чтобы узнать, в чем дело. Я объяснил, что хочу получить какую-нибудь профессию. Папе эта идея нравилась. «Будь, как я, сварщиком, – предложил он. – Ты же мне отлично помогал, когда был поменьше».

Учиться я пошел не сразу. На дворе стоял октябрь. Все ходили на занятия, а я гулял. Зарабатывал кое-какие деньги: помогал жестянщикам, ловил рыбу и продавал ее на трассе. Ко мне начали приставать участковые. Говорили, мол, иди хотя бы в вечернюю школу. Я от веча: «Скоро буду где-нибудь чему-нибудь учиться».

Написал письмо своему старому приятелю Киле (Владимиру Кивличенко), уехавшему в Северодонецк. Он позвал к себе – сказал, что учиться у них очень здорово. И я уехал в Северодонецк. С этого города началась моя история «7Б».

Я начал учиться на сварщика. Первое время я всем нравился: маленький, симпатичный, окружающие умилялись: «Ангел приехал», все девушки на меня вешались. Но вскоре я показал свой характер, и для мастеров сразу стал главным злом: самым худшим учеником и источником всех проблем.

Был период, когда мне жилось в Северодонецке очень хорошо. Родители присылали мне по праздникам десять рублей и посылку. Я не хотел жить за счет родственников, и мы с Килей устроились на практику. Я стал слесарем-монтажником нефтеперерабатывающей промышленности. Лазил на высоту двести метров, мог починить любую вышку. Мне такую стипендию платили! Семьсот рублей – в то время как хлеб стоил двадцать копеек. Мне хватало на жизнь и еще оставалось. Начал модно одеваться. Денег еще прибавилось, когда я обменял у бригадира ящик молдавского вина на премию.

Вино я получал через папу. Говорил ему, что нужно «подмазаться» к мастеру (а мастер-то как раз был неподкупен). Я гулял, угощал друзей. Но был 1985 год. В стране – сухой закон. Шла активная пропаганда празднования безалкогольных свадеб. Пиво во всем Северодонецке можно было купить только в одном месте, и очередь туда была как в Мавзолей. Я же получал вино от папы канистрами.

В тот период жизни ко мне пришла большая любовь. Девушку звали Ольга Усова, сейчас она Ольга Демьян. Когда мы познакомились, ей было пятнадцать, и она до сих пор остается для меня той пятнадцатилетней девочкой. Ольга – единственный святой человек в моей жизни. Она родила мне двух замечательных детей – Влада и Софью. Где бы я ни был, что бы со мной ни происходило, она всегда была рядом и всегда верила в меня и в то, что я – нормальный.

Проблемы начались из-за тех ребят, которых я угощал вином. Они уходили от меня пьяные вдрызг (двух стаканов хватало, чтобы напиться). Милиционеры их вылавливали и допрашивали. Они отвечали: «Это все Иван Демьян» – так, по пьяни, сдавали меня. Однажды милиционер пришел прямо в мою комнату. «Все, я поймал тебя пьяным», – сказал он. Я начал отстаивать права, доказывать, что в своей комнате могу делать все, что хочется. Тогда начались первые психиатрические обследования и разговоры о том, что мне следует дать справку 7Б.

Переломный момент наступил, когда мой знакомый из училища, Дмитрий Печкин, его все называли просто Печка, погиб в Афганистане. Он был такой же разгильдяй из разгильдяев, как я. Мы учились на одном курсе, иногда вместе тусовались. Наши фотографии то и дело появлялись на Доске «Они позорят наше училище». Но все же характеристика у него была чуть получше. Когда нам исполнилось по восемнадцать и начался весенний призыв, он прошел комиссию, а я – нет. При распределении он «попал под приказ» и был отправлен в зону военных действий. Печка к тому времени уже получил водительские права, может, поэтому подготовку проходил совсем недолго. В Афганистане его отправили работать водителем. Спустя несколько месяцев пришла похоронка: машина, которую он вел, подорвалась на mine где-то в ущелье. Вернулся он «грузом 200».

Дима Печкин стал героем. Он был не первым из училища, кто погиб в Афганистане, но одним из первых, кому дали звание Героя Советского Союза. Мастера, ругавшие его недавно на чем свет стоит, теперь говорили: «Это наш воспитанник, мы им гордимся». Рядом с Доской позора появилась Доска почета с его фотографией.

В этом всем была какая-то кошмарная несправедливость. Почему к нему не относились по-человечески, когда он был жив? Почему разглядели в нем хорошего парня, только когда он погиб? Что за воспитательная программа?

Это не укладывалось у меня в голове. Я должен был что-то сделать. В училище я высказал все, что думал по поводу происшедшего. Потом пошел в военкомат, высказал там. Потребовал, чтобы меня отправили в самую горячую точку Афганистана. Не то чтобы я хотел кому-то что-то доказать. Но я не знал, как по-другому выразить негодование, не находил более логичных действий. Я был очень решителен.

В военкомате полистали мое личное дело, увидели все жалобы. Психиатры сказали: «Видим, Ваня, что ты парень-то вроде нормальный. Но посмотри на свои характеристики. Как-то слишком ты в Афганистан рвешься, страшно тебе так сразу автомат в руки давать. Пройди-ка ты у нас обследование».

И я лег на обследование. Сразу же началось с конфликта. В туалете была курилка, и вот я стоял там, потягивая сигарету. Пол был завален мусором – бычками и обрывками туалетной бумаги. Вошла уборщица и велела мне все убрать. Я воспротивился, потому что не я сотворил этот бардак. И вообще я проходил обследование, а не нанимался уборщиком туалетов. Подобное указание ущемляло мое мужское, пацанское достоинство. Началась перебранка. Меня отвели к главврачу, тот стал упрекать меня. Потом сказал: «По виду ты парень приятный». Я ответил: «Это же не значит, что я должен убирать в туалете». В результате права я свои отстаивал, но эта глупая ситуация попала в характеристику.

Через две недели я вышел из больницы, но ненадолго. От мастеров продолжали поступать жалобы, меня снова отправили на обследование. Там случилась история, которую зафиксировали как «побег».

Однажды вечером в гости заглянул Киля, наутро он должен был явиться в военкомат и отправиться в армию. Я не мог его не проводить, дружба дороже любых положительных характеристик. Кое-как я выбрался из своей «клетки» и ушел в загул. Рассчитывал вернуться к утру. Мы пошли на дискотеку, которая проходила в столовой училища, подвыпили, расшумелись, милиционеры нас заметили и скрутили. Началась заварушка. В больнице, обнаружив, что меня нет, все сперва очень удивились, а потом начали выяснять, что к чему.

Киля устроил настоящий дебош. В итоге провел следующее утро не в военкомате, а в отделении, где получил 15 суток, а мне досталось направление на принудительное лечение в областном центре в Луганске.

Поначалу я не знал, что загремел надолго. Никто ничего не объяснял. Меня привезли в одну больницу, там оформили какие-то документы, потом на «скорой» привезли в Луганск. Сказали, что нужно пройти врачебную комиссию с томограммой. Попросили раздеться и помыться. Когда я вернулся из душа, моих вещей уже не было. Мне выдали пижаму и сообщили, что я буду проходить принудительное лечение. Формулировка была сложная – что-то про психоз и алкоголизм. Конечно, я был в шоке, доказывал, что меня не от чего лечить, но на все был ответ: «Это уже не тебе решать». На руках у врачей были направления от моих мастеров и врачей из Северодонца.

Меня привезли в отделение и сразу предупредили, что при плохом поведении, нарушении режима мне вколуют мощный препарат, от которого трое суток спишь, а потом еще три дня не можешь контролировать мысли, тело и ходишь заторможенный с пеной у рта. В больнице мне сразу открылись все «прелести» местного уклада. Я увидел очередь людей за таблетками. Медсестры контролировали употребление этих таблеток, заглядывали в рты, некоторые порошки засыпали собственноручно. Меня проводили в так называемый «красный уголок», где пациенты находились большую часть времени. Там была интересная публика со странными манерами, поведением – настоящий дурдом. Кто-то смотрел в телевизор, кто-то – в пустоту. Пациенты придумывали себе разные занятия. Я сразу приметил шахматы и решил, что непременно должен научиться хорошо в них играть.

Так началось лечение в клинике. В толпе настоящих сумасшедших я нашел пару нормальных человек. У меня появился товарищ, с которым мы вместе «косили» под обычных обитателей психушки, но таблетки старались не пить. Мы видели, что медикаменты затуманивают сознание, и выкручивались, как могли. Притворялись, будто глотаем лекарства, а после бежали в туалет сплевывать. В некоторых сменах попадались понимающие медсестры, которые закрывали на все глаза и делали вид, что не замечают, как мы прячем таблетки под языки. Это было как в кино: у меня появился соратник, и мы двое нормальных на полторы сотни человек играли на выживание. Люди вокруг превращались в амёб, и мне приходилось подстраиваться под общий ритм – очень медленно есть кашу, разговаривать с психами на их языке. Вот так я жил, чтобы только не раствориться в этой биомассе.

В «красном уголке» я, как и хотел, научился играть в шахматы – небольшая радость в окружающем кошмаре. Это помогало держать сознание в порядке, абстрагироваться от обстоятельств. Я полюбил шахматы, стал хорошо играть, и это умение мне потом еще пригодилось в жизни.

Нас заставляли заниматься разной работой: клеить ботинки, коробки для конфет. Задания были очень простые. Нам давали уже готовые, по сути, коробки, нужно было только собирать их по надрезам. Самых «нормальных» пациентов включали в бригаду, когда не хватало санитаров. Мы помогали транспортировать людей в больницу города Сватово. Это

легендарный «желтый дом». Он стоит на горе, при монастыре. Говорят, что его, не тронув, обошли стороной и войска Наполеона, и немецкая армия.

Однажды мы привезли туда очередного пациента, и меня оставили у машины. Рядом была лавочка. Подошел странный худой дед с ухмылкой. Мы сели рядом и начали болтать о разных мелочах. Потом появились медсестры. Они спросили, кивнув на деда: «Ну что, разговорился?» – и поведали историю этого человека. Оказалось, что он попал в больницу сразу после войны, с сильной контузией. Он был огромный, настоящий богатырь, срывал ремни, метался. Со временем его утихомирили, долго держали на крепкой привязи. У мужчины не нашлось родных, и вот он пролежал в дурдоме уже десятки лет и будет там находиться до конца жизни.

Это история повергла меня в ужас. Я постоянно думал: «Только бы не остаться здесь навсегда». Меня положили на три месяца, но кто знал, чем может обернуться дело? Никто из близких не был в курсе, в какую передрыгу я угодил. Оставалась только одна надежда.

Мне посчастливилось передать весточку папе. Мы не могли просто так отправлять письма, это было невозможно. Мне помог новый друг. Однажды нас вывели большой толпой покурить на балкон. Это был удобный момент, внизу уже ждала девушка товарища. Я сбросил ей письмо с адресом родителей. Сообщение было очень короткое: «Папа, это ужасно. Я нахожусь в дурдоме и очень хочу в армию. Приезжай скорее». Я волновался, от этого письма зависела вся моя жизнь. Постоянно допытывался у друга: «Она точно отправит?» – «Не волнуйся – отправит», – успокаивал тот. И все равно даже отправленное письмо могло затеряться, не дойти. Я не знал, дождусь ли помощи.

Папа примчался, как только получил письмо. Он приехал с деньгами, конфетами и принялся ходить по врачам, чтобы вытащить меня. Папа добыл у одного полковника документ, что у меня уже есть направление в Школу младших авиационных специалистов (ШМАС). Благодаря знакомствам и взяткам отец быстро уладил ситуацию, и меня выпустили. К тому моменту я находился в больнице уже два месяца. Когда мне вернули одежду, она показалась мне такой уютной, такой удобной, что словами не передать.

Спустя всего пару дней после радостного освобождения я наконец-то отправился в армию. В детстве я, как и многие сверстники, мечтал стать летчиком или космонавтом, поэтому направлению в ШМАС радовался вдвойне.

Увидев военную часть в окне автобуса, я испытал почти что счастье. Нам сразу выдали форму и отправили брить голову и подшивать одежду. Гордость меня так и распирала. Я торопился, некоторые стежки получались неаккуратно, но для меня важно было сделать все самым первым. Потом я отправился к зеркалу полюбоваться на себя, солдата. Дурдом и армия – это две совершенно противоположные вещи, и я никак не мог нарадоваться. Но торжество было недолгим. Из каптерки вышел сержант по прозвищу Калач – туповатый верзила. «Стоп! – рявкнул он. – Куда идешь?» – «Я вот первый подшил, – говорю. – Иду на себя в зеркало посмотреть». Калачу не понравился такой энтузиазм, он смерил меня злобытым, насмешливым взглядом. Я еще не знал, что духи должны застегивать ремень как можно туже. У меня он не болтался, просто был застегнут нормально. И вот этот Калач схватил за ремень и провернул его: «Ах, ты первый?!» Это я еще стерпел, хотя, конечно, сразу ощутил обиду. Была надежда, что хотя бы в армии меня поймут, а тут такое. Затем Калач схватил за погоны, просунул пальцы между нитками (из-за спешки места осталось достаточно) и сорвал их. Дальше он нашел на воротнике крючки, которые я не разглядел и забыл перешить. Он начал сводить их, сдавливая мне горло. Тут я окончательно понял, что этот человек просто хочет причинить мне боль. У меня, что называется, сорвало башню, и я сделал несколько убойных ударов. Дальше все было как в тумане: он лежит, я его бью, кто-то кричит.

Вышли капитан с майором. Они оттащили меня от Калача и поволокли в каптерку. «Ты что творишь?! Да с твоими характеристиками из дурдома ты тут в дисбате сгниешь», –

пригрозили они. Потом за мной пришли конвоиры и увели. Я просидел в одиночестве сутки, а вся рота тем временем горячо обсуждала ситуацию. Солдаты были в шоке: какой-то салага избил самого грозного дембеля.

На следующий день дверь открылась, и вошел полковник. «Здравствуй, сынок. Что случилось?» – спросил он спокойно и даже ласково. Я откровенно рассказал ему и про случившееся (в доказательство у меня на шее еще оставались отеки от удушения), и про то, где был последние два месяца. Полковник поинтересовался, занимался ли я когда-нибудь борьбой. Я ответил, что да, в школе занимался. «Я все понял. Пойдем со мной», – сказал он. Мы вышли. Полковник провел меня до казармы и объявил: «Я хочу, чтобы этот человек был командиром отделения».

На следующий день Калач пришел, чтобы, как говорится, разобраться. Я предложил пойти на маты и снова «сделал» его. На этот раз мне за это уже ничего не было. Калач планировал покинуть армию героем, а из-за меня он ушел на дембель почти незаметно.

В учебке я пробыл четыре месяца. Моя задача была встречать летчиков после полетов. Я первым забирался в кабину, вытаскивал тубус и доставал кассету для анализа полета, цели. Относил ее куда нужно и сразу шел встречать другого пилота.

Продолжалась война в Афганистане. Меня, как образцового ученика, определили в поисково-спасательную группу и отправили в Термез. Очень хотелось воевать, но меня почему-то не брали. Когда я приехал, нашу группу сразу расформировали – довелось только один раз пролететь над горами. Был по три месяца то в одной, то в другой группе. Начались политические перемены, и нас отправили в Архангельск. А после Архангельска был Обозерский – там и закончил службу.

На Север я приехал в легкой выгоревшей хэбэшке, загорелый. Меня определили в полк, и тут начались все те же испытания, которые были в учебке. В своей выцветшей форме я смотрелся среди остальных солдат как самая настоящая белая ворона. Старшиной второй эскадрильи, куда я попал, был один гадкий узбек. Он сразу меня невлюбил, постоянно командовал: «Поправь то, сделай это», будил по утрам, хотя с моим сроком службы это было не по понятиям. В общем, вел себя со мной так, будто я дух. Когда этот старшина мне грубил, я не знал, как себя вести. Но однажды терпение лопнуло.

В эскадрилье у меня был друг – фотограф, который состоял при местном начальстве и имел некоторые привилегии. Я пытался подговорить его не ходить на построение перед завтраком. Но фотограф долго отказывался – очень уж боялся старшину. И вот однажды я все-таки не пошел на построение. Мой друг прибежал и начал уговаривать: «Ваня, пойдём», а я в ответ попросил: «Не пойдём. Ну хоть ты меня поддержи». Он остался. Я спокойно встал, почистил зубы, оделся, и только тогда мы вышли. Выходим и видим: вся рота построена, все ждут; так узбек играл на публику, чтобы настроить солдат против меня. «Тебе особенное приглашение нужно?» – язвительно спросил он. «Устал ждать? Ну и жди дальше», – сказал я, развернулся и пошел по газону в сторону столовой. Друг – за мной.

Пришел в столовую, начал ставить еду на поднос. Тут прибежал узбек с криком: «Не давайте ему!» Завязалась драка, нас быстро разняли, и все принялись за завтрак. После завтрака узбек завел в свою каптерку. Он кричал: «Ты кто такой?! Ты что себе позволяешь?!» Ударил меня. Он не мог представить, что я могу дать настоящий отпор. И я ударил в ответ так, что он отлетел. Тут прибежали прапорщики, еле разняли нас и заперли меня в каптерке.

Я сидел там и с грустью думал о том, что же будет дальше: «Ну вот, опять, наверное, в какой-нибудь психушке запрут». Настроение улучшилось, когда через стенку постучались ребята: «Эй, Ваня, ты там? Мы за тебя! Еще никто здесь так себя не вел! Ты крутой! Здесь все за тебя». Через некоторое время пришел командир и вручил мне ключи от этой каптерки: «Поздравляю, теперь ты старшина второй эскадрильи».

Так я узнал, что сила побеждает силу. Будучи ребенком, я этого не понимал. Раньше я никогда не задумывался над этим: просто бился всегда за себя, за свою правоту. А в армии неожиданно открылось, что, если ты одолел того, кто держал под страхом целую роту, тебя поставят на его место. Сильный всегда главней.

Тут у меня, как говорится, начали работать мозги. Я был человеком совершенно не творческим и просто выполнял поставленные перед собой задачи. Моей новой целью стало научиться хорошо управлять эскадрильей, и я добился своего. Все ребята, попадавшие в учебку, просились «во вторую эскадрилью к Демьяну». Наша эскадрилья была чем-то необычным, особенно для того времени. Мы стали как одна большая семья, без дедовщины. Все были счастливы. У меня была возможность проверять письма солдат, и я иногда читал их, чтобы не допустить какие-либо жалобы. За все время я не встретил ничего плохого. При старшине-узбеке все, и я в том числе, писали письма тяжелые, грустные. Новые письма были для меня большой радостью – они доказывали, что все получается. Поначалу, правда, возникли проблемы с другими узбеками, поддерживавшими земляка. Пару раз пришлось выйти на бой. Но в результате я подружился со всеми и объединил всех.

Ко мне часто обращались за помощью: я получил репутацию человека, который может уладить любые проблемы. Мне говорили: «Ваня, у тебя такой взгляд, что человек к тебе сразу испытывает доверие». Вот такое хорошее было время.

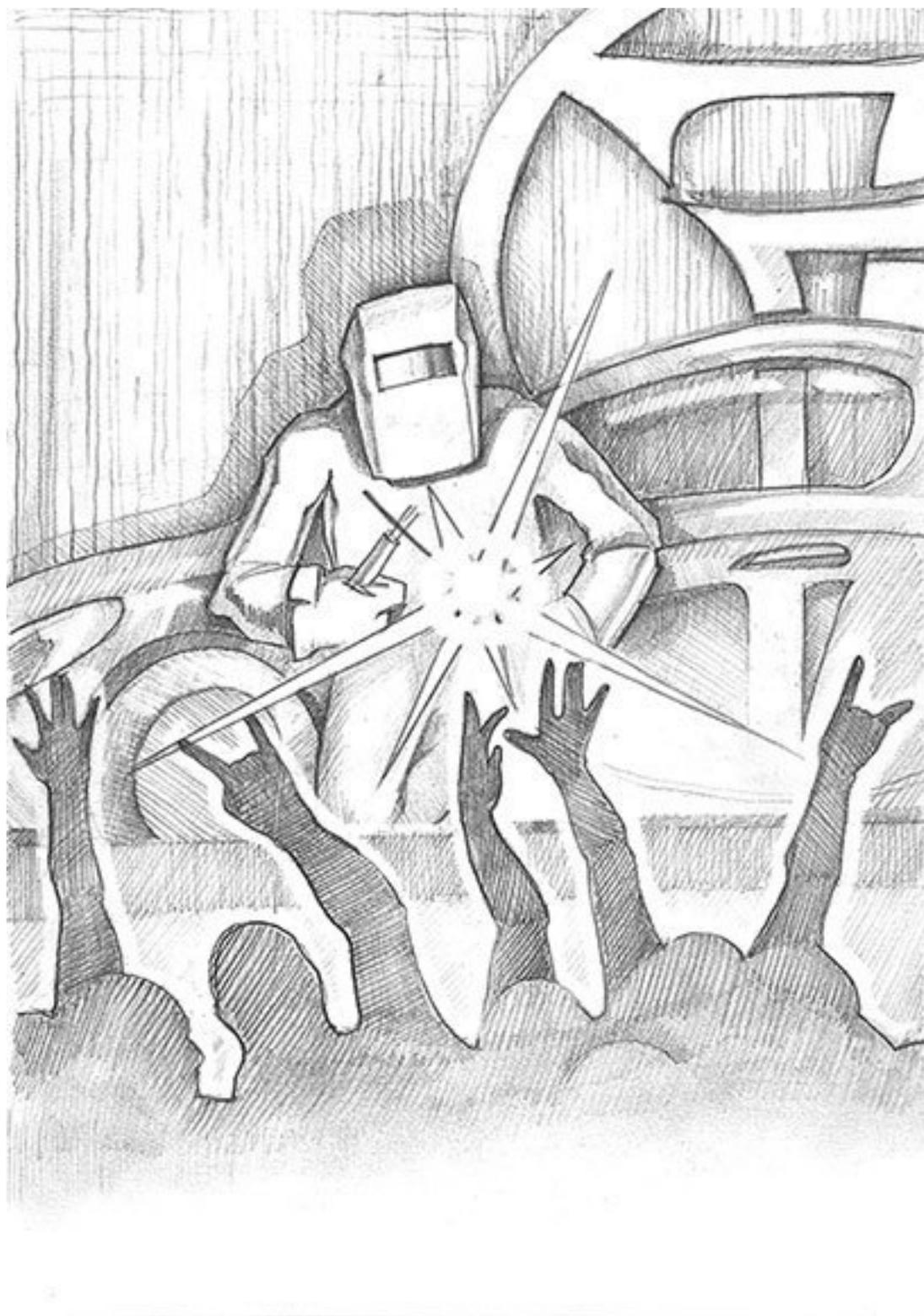
Военную службу я закончил в звании младшего сержанта – это была большая редкость для срочника. Я словно ломал какие-то стереотипы, добившись таких высот после истории с заключением в желтый дом. Все неприятности в конце концов стали поводом для гордости: я доказал, что могу получить желаемое при любых обстоятельствах.

Мне предлагали развивать квалификацию и выучиться на летчика. Я долго взвешивал все «за» и «против», но чувствовал, что это не мое. Жизнь у местных летчиков, в тайге, в маленьком городе, была тяжелая. Я общался с ними, видел, как непросто они живут, поэтому после раздумий отказался от предложения и покинул армию.

После дембеля отправился домой. Но сперва заехал в Северодонецк и женился на Ольге. В ранней молодости я не признавал формальностей, но после армии понял, что нужно поступить именно так. Уже возникла потребность жениться – словно выполнить какой-то план. Мы переехали в Молдавию, у нас родился Владик, и началась прекрасная жизнь.

Вначале я подумывал пойти работать в гражданскую авиацию – Кишиневский аэродром был всего в двадцати километрах от моего дома. Но все же занялся автомобилями. Устроился в автосервис, познакомился там с разными интересными людьми. Я работал газосварщиком в паре с парнем по кличке Немец. Немец был очень талантлив в своем деле, несмотря на то что много пил и всегда держал в мастерской бутылочку вина. Начальник ругался, но все прощал, потому что мы могли починить любую машину. Это было ценно вдвойне – в то время было очень проблематично достать нужные запчасти. Немец постепенно передавал мне свое искусство, он часто говорил: «Ваня, нужно три дня ходить вокруг этой машины, чтобы придумать, как с ней быть». И мы придумывали, какой бы искореженной она ни была.

Это счастье продолжало недолго. Начался развал Советского Союза. Молдавия и Приднестровье делили территории, назревал военный конфликт. Шла активная пропаганда, будто дети от смешанных браков – неполноценные. Я все это воспринимал очень остро: у меня самого смешанная кровь. Мне всегда было сложно понять, какая разница, кто по национальности твой ребенок. Мы с Ольгой и Владиком успели уехать незадолго до начала военных действий. Сразу после отъезда в Новые Анены стали приходить повестки в армию. Хорошо, что вовремя сбежали: по сути, меня хотели заставить воевать против себя же.

Мы обосновались по месту прописки моей супруги – в Воронежской области, поселке Таловая. Там я пережил «приключение», без которого моя жизнь, наверное, сложилась бы совсем иначе. Я попал в тюрьму.

Меня осудили безосновательно. Когда спрашивают за что, я всегда отвечаю: «За любовь». На одной из вечеринок я познакомился с девушкой и провел с ней ночь. Я ни на секунду не сомневался, что этой девушке больше восемнадцати, однако через пару дней приехала ее мать и объявила, что я переспал с несовершеннолетней. Она предложила жениться

или заплатить компенсацию, я отказался. Эта женщина пригрозила судом – я решил с достоинством принять свою судьбу. Меня привлекли к уголовной ответственности и осудили на пять лет. Я не стал даже подавать на апелляцию. Отправляясь по этапу, чувствовал спокойствие и даже гордость от того, что не поддался на шантаж.

Самое сложное время в тюрьме проходило в подследственной камере-одиночке. Она была очень маленькая, все пространство: четыре шага вперед, четыре – назад. Так я ходил от стены к стене, изнывая от нехватки общения. Приручил мышку, не стал прогонять паука, который поселился на полке. Когда наступил канун Нового года, рядом со мной были только эти существа. Помню, я держал на ладони мышку и дул на паутинку, чтобы раскатать паука. Так мы общались. И в какой-то момент я ощутил полную гармонию с окружающим миром. Это было чудесно. Что бы ни происходило, главное – сохранять ощущение внутренней свободы. Я никогда не зависел от вещей, места, это меня и спасло.

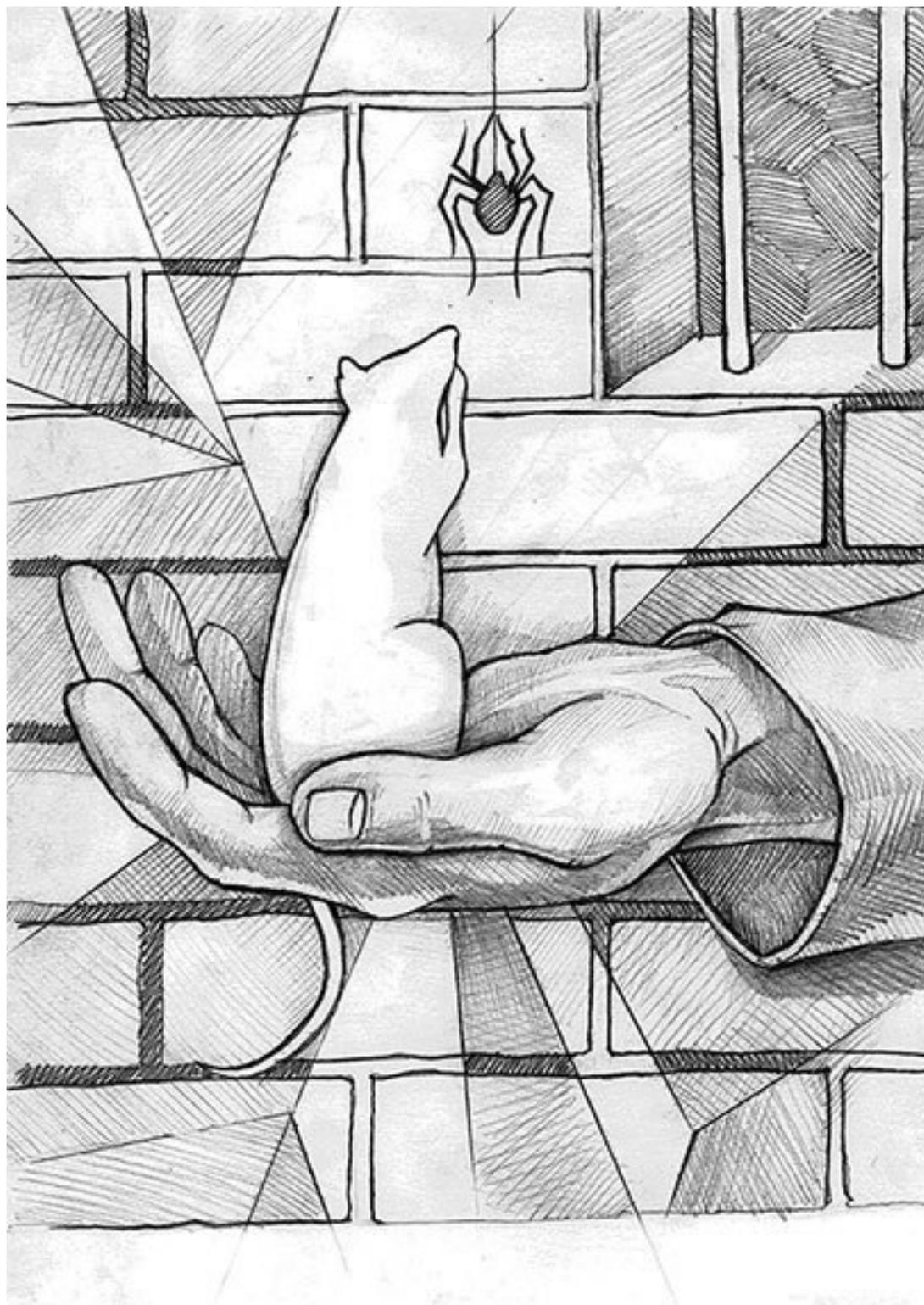
И еще там, в камере, я иногда думал о том, как хорошо, наверное, быть музыкантом. Выдвигал стол на середину пространства, забирался на него как на сцену и пробовал петь. Мышь и паук были моими слушателями.

В лагере стало намного легче. Я жил полноценной жизнью: занимался спортом, работой, творчеством. В тюрьме можно нормально развиваться и получать образование. Большую часть времени проводил в спортзале. Я попал в тюрьму очень худощавым и там решил заняться бодибилдингом. У меня был блокнот с выписками из книг Джо Уайдера, за несколько лет я прошел все курсы его упражнений.

У меня сложились прекрасные взаимоотношения с остальными заключенными. Все знали, что я осужден несправедливо. В таких местах информация передается быстро: у человека уже есть определенная репутация еще до того, как он переезжает из СИЗО в колонию. Из-за моего несправедливого приговора ко мне относились уважительно. К тому же я постоянно принимал участие в спортивных и культурных мероприятиях вместе с другими заключенными. Там мне пригодилось умение играть в шахматы, иногда я сам организовывал турниры по настольным играм и футбольные соревнования. Еще я договорился с администрацией, чтобы рядом с бараками установили турники и брусья: в то время лагерь активно благоустраивался, я старался помочь. Не хотелось сидеть на месте, наоборот – я стремился к развитию.

В лагере была своя музыкальная группа. Я пробовал к ней присоединиться, но ребята не рассмотрели во мне музыканта. Тогда я договорился с ними, что буду приходить на репетиции как индивидуальный исполнитель. Они дали мне гитару, я много репетировал – в основном, разучивал песни Цоя. Работал по специальности: делал прицепы, ремонтировал КамАЗы. В жилой зоне у меня было что-то вроде своего гаража, где я возился с железом. Однажды у меня появилась идея, как приделать спальники к КамАЗам. Я взял обычные прицепы для легковых автомобилей, все рассчитал, разрезал и сварил. Водители были счастливы, и я таким образом обеспечил себе сезон комфортабельного проживания.

Самым знаковым моментом стало строительство храма. На территории жилой зоны была летняя площадка со скамейками, сценой, открытым кинотеатром. Нам объявили, что на этом месте будет построен храм. Заключенным разрешили помогать в работах, и все этому очень обрадовались, каждый пытался приобщиться. Фундамент был заложен в кратчайшие сроки. Я сделал капсулу времени: сварил ее из нержавеющей стали, спрятал внутри послание, во имя чего возводится храм. Потом капсулу отдали в рабочую зону, где на нее должны были нанести гравировку.

И вот пришло время закладывать капсулу. Приехал поп, собрались люди. И тут выяснилось, что капсула осталась в рабочей зоне. Получилось так, что некому было ее принести. Я должен был что-то предпринять. Бросился через черный ход в рабочую часть. Это было нарушение, которое могло повлечь серьезные последствия, но я думал только о том, чтобы принести капсулу к котловану.

Когда я вернулся, все вели себя как-то странно: никто не хотел ее брать – ни заключенные, ни офицеры. Я просил то одного, то другого скорее передать капсулу священнослужителю.

телю: не знал, кто по правилам должен это сделать. В результате сам подошел к котловану. Поп указал, чтобы я положил капсулу под кирпич в фундаменте. Так я собственноручно заложил капсулу времени, пока поп читал молитвы.

Не знаю, может быть, в этот момент какие-то высшие силы обратили на меня внимание и послали благодать. Не прошло и месяца с закладки капсулы, как я узнал, что состоялся пересмотр моего дела и срок сократили более чем на год.

Уже на свободе я узнал, что родственники той девушки, из-за которой меня посадили, пытались забрать заявление, но было поздно. Злобы я не держу и не держал, и вообще не жалею об этом отрезке жизни, об этом опыте. Не будь его, я бы не стал тем, кто я есть.

Вернувшись из тюрьмы, я пытался устроиться в Таловой автослесарем, но это было сложно из-за устаревших документов. Пока я мотал срок, Советский Союз прекратил существование. Мне пришлось заняться получением нового паспорта. К счастью, обстановка в Молдавии к тому времени стабилизировалась, и я съездил на родину, чтобы выписаться. Затем последовали проблемы с получением гражданства. Нужно было прожить на территории России определенное время – и я его, по сути, к тому времени уже прожил, но в разных инстанциях мне никак не хотели засчитывать отсидку и требовали уплатить определенную сумму, которой я не располагал.

Тогда я плюнул на все и решил заняться бизнесом. Снял помещение, купил инструменты и открыл свой автосервис. Дал объявление в газете: «Починю любой, даже потерявший надежду на восстановление, автомобиль». Первым клиентам моя работа очень понравилась, ну а дальше – сарафанное радио. Дела пошли очень хорошо. Вначале я работал один, позже нанял ребят и научил их всему. Многим людям в то время задерживали зарплату, поэтому часто приходилось работать по бартеру. Я брал оплату мешками сахара, картошки, свеклы. Что-то отдавал в детсад, куда ходил Владик, и в другие социальные учреждения. Я считаю, что таким образом выплачивал налоги и, в принципе, был чист перед законом и перед собой. Но необходимых документов для бизнеса у меня не было. Долгое время удавалось эту проблему обходить, а потом взялись за дело конкуренты. Мой бизнес шел так хорошо, что ко мне приезжали из соседних деревень, даже машины ставить было некуда. Владельцам других мастерских в округе это не нравилось. Внезапно меня стали посещать работники разных служб и очень настойчиво требовать документы. Пришлось опять вернуться к вопросу получения гражданства. У меня уже была сумма, необходимая для взятки, но началась обычная бюрократическая волокита с сотнями справок. Мне советовали закрыть бизнес, но я продолжал бороться.

И тут случилось одно из самых удивительных событий в моей жизни, которое расставило все на свои места.

Однажды я в очередной раз добирался из одной инстанции в другую. Шел по пустой дороге, смотрел на скучный пейзаж, думал тяжелые мысли... И внезапно меня торкнуло, да так, словно какая-то вспышка осветила все пространство. Как будто само творчество явилось мне в виде этого мощного силового потока! В голове заиграла музыка, сами собой начали возникать песни. Затем словно рухнула какая-то стена, и я увидел свое будущее: концертные площадки, телестудии, съемки. Я увидел себя в ипостаси артиста, поющего для аудитории.

Меня осенило: так вот чем мне нужно заниматься! Я так долго мучился вопросом, кем же стать в этой жизни, чтобы не требовались никакие документы, чтобы можно было посылать все ненужное куда подальше. Я понял, что песни будут моими документами.

Забросив все дела, я помчался к бывшей соседке по общежитию. У нее была самая необходимая на тот момент вещь – гитара. Раньше я очень редко пытался сочинить что-то сам, теперь же мне, как воздух, было необходимо скорее «родить», облечь в музыкальную форму все, что творилось в голове.

Взяв гитару, я забрал Владика, который гостил у друзей, и мы пошли домой. Я приехал за сыном немного позже, чем обещал, и, чтобы он не обижался, попробовал парня увлечь. Продемонстрировал гитару и объявил: «Сейчас будем писать песню!» Дома я заварил чай и принялся подбирать аккорды. Владик стал помогать мне с текстом, подсказывал рифмы. Я удивлялся и радовался тому, как мой пятилетний ребенок увлекся музыкальным процессом.

В тот же день была готова первая песня – «Анаша», которую позже группа представила под названием «Душа моя». К вечеру следующего дня появилась вторая песня. За три-четыре дня было написано шесть песен (в том числе «Летаргический сон», «Спецкоридор» и «Юность», они потом вошли в альбом моей первой группы).

Все являлось мне одновременно, в одной гармонии. Текст как выражение этой гармонии. Вместе со словами в моей голове появлялись ритм, бит, другие звуки. Едва я начинал работать над какой-то песней, сразу чувствовал, что она уже внутри меня и нужно только помочь ей обрести более четкую форму. Я стал приглашать в гости друзей и играл для них. Как когда-то мама, я не объявлял, что пою песни своего сочинения: хотел узнать объективное мнение. Ребята, которые увлекались русским роком, интересовались: «Чья это песня? Что за проект?» Это была главная похвала, я понял, что двигаюсь в правильном направлении.

Подготовив первые песни, я начал искать в Таловой музыкантов. Все происходило быстро, и уверенность внутри только нарастала. Я не сомневался, что заинтересую местных музыкантов своим творчеством, и разработал план действий: мы записываем альбом, а потом обязательно едем в Москву его продвигать. Эта идея тоже пришла мне откуда-то свыше.

В Таловой информация о музыке была в дефиците. Местного радио не было, работало только два национальных телеканала, и о музыкальных новинках все узнавали из передачи «Доброе утро». Отыскать единомышленников получилось не сразу: я хорошо знал только тех, кто занимался автомобилями. Но потом музыканты нашлись. Оказалось, что хозяин магазина, куда я иногда заглядывал, Эдик, обустроил дома настоящую небольшую студию. Я предложил ему попробовать поработать вместе, он согласился. Стояла зима. В первые дни Нового года я пришел к Эдику, чтобы записать песню. Там я встретил Андрея по прозвищу Саид, который играл с Эдиком в одной группе. Получалось, что нужные люди уже давно были рядом – просто следовало хорошенько присмотреться.

Я спел несколько своих песен, музыканты переглянулись и поинтересовались: «Это ты, что ли, написал?» Эдик сразу согласился помочь мне в творчестве. Мы записывали песни, Эдик создавал «минусы» в компьютерных программах, в которых я на тот момент совершенно не разбирался. Я напевал ему отдельные партии каждого инструмента, даже без музыкального образования мне все давалось довольно легко. Потом мы подумали, что бас-гитару лучше записать вживую, и позвали Саида. После первой совместной репетиции мы решили играть втроем, и так родилась моя первая группа.

Встал вопрос: как назвать команду? Я был очень озадачен, не спал целую ночь. В голову не приходило никакого названия, кроме как «Религия». На следующий день я объяснил ребятам свою идею: «Мне словно с неба все рухнуло. Кто-то одарил пониманием того, что музыка – моя религия. Давайте так и назовем группу». Они поддержали. Мы отдавали себе отчет в том, что кто-то может не понять этого названия, кто-то может издеваться над ним. Но все-таки мы стали «Религией».

Почти сразу мы начали играть на дискотеках. Брат Эдика работал в этой сфере. Он помог с аппаратурой и пристроил выступать на местных мероприятиях вроде Дня города или Дня сельского хозяйства. Мы играли, где только могли, чтобы как можно больше людей узнало о нашем проекте. В скором времени получилось сделать свой первый сольный концерт, все зрители остались довольны. У нас даже появились первые фанаты, которые приходили к дому Эдика послушать через окно, как мы репетируем.

Я постепенно отходил от дел в автомастерской. Некоторое время занимался только закупкой деталей и оборудования. В конце концов, понял, что хочу полностью посвятить себя музыке. Я продал работникам основные инструменты, а прочее просто раздарил. Хобби стало работой, а работа – хобби. Нужно было двигаться дальше.

Моя сестра Клава к тому моменту вышла замуж за писателя Илью Деревянко и жила в Подмоскowie, в Долгопрудном. Ранней весной я решил, что пора навестить ее в гости. Это был не простой визит. Я собирался взять с собой записи лучших песен, потому что чувствовал: должен найти человека, который поможет нашей группе.

В Москву собралась целая экспедиция. Мы с музыкантами и друзьями из автосервиса поехали на одной машине, еще на двух нас сопровождали знакомые ребята. Отправились через Калугу – водитель сказал, что там живет его родственник, баянист, который очень хорошо впишется в наш музыкальный коллектив. Было еще холодно, машины ломались. Ребята оказались не готовы к такому путешествию, поэтому на половине пути они развернулись обратно. Ну а мы с музыкантами не хотели отступать и поехали знакомиться с баянистом.

Человек, живущий творчеством, должен быть готов к всевозможным неурядицам, которые встают на его пути. Я это называю «потусторонним прессингом». Темные силы видят, что ты хочешь донести массам что-то светлое, доброе, и начинают устраивать препятствия, вынуждают отказаться от любимого дела. Кто-то устает от этого, не борется, увлекается другой профессией и уходит из мира творчества. Но если даже в самых сложных ситуациях продолжать верить в свое дело, если показывать бесстрашие, то потусторонние силы отступают. Правда, лишь на время, а потом устраивают тебе новые испытания. Приходится запасаться большим терпением. Первое приключение – безобидное, но неприятное – настигло нас уже в Калуге.

Мы приехали в этот город, ночь провели в общежитии, где обитал баянист. Его звали Юра, и он оказался очень хорошим веселым парнем. Мы потом часто выступали вместе. В ту ночь, конечно, играли и пели. Мы проспали почти весь следующий день, а под вечер жена Юры растолкала нас и выпроводила. Мы хотели хотя бы попрощаться с баянистом, но жена сказала, что он куда-то уехал. На улице уже стемнело. Сломалась бензиновая мембрана, и машина то заводилась, то нет. Денег было ноль, пойти не к кому. Мы оказались одни в незнакомом городе. Кое-как среди ночи, в темноте, доехали до центра и припарковались у каких-то ворот.

Наутро оказалось, что мы припарковались у центрального рынка, и наша «девятка» (у нее были кавказские номера) привлекла всеобщее внимание. Милиционеры, таксисты, прохожие – все на нас косилось – думали, что приехали бандиты. Мы замерзли в машине и очень хотели есть. Мне пришлось отправиться на рынок и ловкостью рук добыть еду для себя и ребят. После я рискнул еще раз пойти к баянисту. Его жена меня не пустила и снова сказала, что Юры нет дома. Она одолжила деньги на мембрану и бензин – лишь бы мы поскорее уехали из города. Но когда я уже выходил из подъезда, Юра меня неожиданно догнал: оказалось, жена его заперла, а нас все это время обманывала. Он пригласил нас всех к себе поесть супа.

Я вернулся за ребятами. Мы хотели подъехать поближе к дому баяниста, но тут помешала милиция. Они нагрянули, пока я разведывал обстановку, преградили дорогу. «Признавайтесь: кого убили, где закопали?!» – требовали милиционеры, заталкивая нас в свою машину. Они не верили, что мы музыканты, ситуация прояснилась только в кабинете следователя. Тот, как ни странно, тоже увлекался музыкой, даже знал нужные компьютерные программы. Он быстро нашел общий язык с Эдиком. Мы разговорились, посмеялись над историей. Следователь рассказал, что мы навели большой шум в городе. Конечно, он нас отпустил, но разрешить остаться надолго в городе не мог. Когда мы были уже в дверях, он

приказал в шутку: «Чтобы через 24 часа я вас здесь не видел». С мембраной и бензином нам помогли местные пожарные. Мы распрощались с Юрой и продолжили свое путешествие в Москву.

Дальше дорога к сестре прошла без приключений. Мы приехали, оставили кассету и на следующий день отправились домой. По возвращении мы чувствовали себя героями. Поездка подарила нам новые эмоции, и мы с еще большим усердием продолжили заниматься творчеством.

В скором времени мне позвонил писатель, муж сестры. Он в то время тесно общался с продюсером Алексеем Манжосовым, шли переговоры по поводу экранизации одной из его книг. Илья дал Алексею мою кассету с демозаписью, и продюсер очень заинтересовался. Он хотел встретиться со мной в Москве. Вот так, спустя два месяца после первой поездки, я снова направился в столицу.

Я приехал со своими новыми песнями и несколькими фотографиями. Встреча с Манжосовым прошла отлично. Он послушал мои песни и сказал: «Очень неплохо. Сколько есть еще?» Я ответил, что у меня почти готовы двадцать песен. «До конца лета доделывайте и приезжайте – будем записывать альбом», – обрадовал продюсер.

С этой информацией я вернулся домой. Все, конечно, были счастливы, и в таком настроении мы продолжили трудиться. Одни песни я считал подходящими для альбома, над другими приходилось много работать. У нас было, по сути, шесть-семь готовых песен, а в остальных я был очень неуверен. Я понимал, что нужно писать что-то новое.

Я никогда специально не придумываю песни, они сами приходят в подходящий момент. Иногда в экстремальных ситуациях. Вот, например, история, случившаяся в то время. Как-то раз знакомые пригласили нас с музыкантами к себе домой. Все, как обычно: стол, выпивка, девушки. Я играл и пел. Одному из пригласивших парней не понравилось, что я привлекаю к себе внимание прекрасного пола. Он, как я называю – «бычьей синькой» – полез ко мне драться. Все вылилось в грандиозное побоище. Пока я разбирался с одним, другой схватил мою гитару, разбил ее о стену и поджег. В результате досталось всем, а я получил нож в ногу.

И вот я шел из гостей с ножом в ноге. Я его не доставал, чтобы дома нормально продезинфицировать рану. Шел и смотрел на небо, на звезды. Размышлял о том, что в небольших городах и поселках начинающим музыкантам очень сложно выжить. Если ты уже известен, то тебя любят и уважают, но если ты только начинаешь, то всех раздражает твой образ жизни. Всякое может случиться из-за того, что ты не сидишь себе тихонько в уголке. «И когда-нибудь будет жара даже лютой зимой, и когда-нибудь станет это время добрей», – с такими мыслями появилась песня «Знаю! Будет!». Другие песни приходили ко мне тоже в зависимости от обстоятельств. Меня вдохновляло все вокруг: погода, природа, люди, события в стране и в мире. К концу лета альбом был готов, пришло время звонить Манжосову. Но в августе случился дефолт.

Я дозванивался до Манжосова неделями. Все-таки он взял трубку и вот что сказал: «Ребята, я уже отошел от дел. Занимаюсь не музыкой, а раками. Дефолт ударил так, что никто ничего делать не может. Вам удачи, творите дальше».

От этих новостей я сполз по стене. Все лето готовили альбом, строили планы на Москву – и тут такое. Эдик и Саид, конечно, тоже ужасно расстроились. Но эта новость выбила нас из колеи ненадолго. Мы уже слишком привыкли к постоянной творческой работе, так что быстро пришли в себя и решили объезжать с концертами местные колхозы. Раз не удалось записать альбом в Москве, нужно было выпускать его самостоятельно, своими силами. Так мы и сделали, а после отнесли кассеты и диски на местные рынки и дискотеки. На танцах наши песни охотно ставили, народ думал, что это новые всероссийские хиты. Люди интересовались, кто это исполняет, потом радовались, что местная группа делает такую хорошую

музыку. Число наших слушателей росло, они приходили на концерты, часто говорили нам с гордостью: «Купили, вот, ваш альбом, слушаем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.